

От века к веку

В эти дни, когда опубликован проект Конституции СССР и началось его всенародное обсуждение, я вспоминаю, как в прошлом году мы, группа писателей, гостили в армянском селе Севкар. Село, которое неизвестно почему называлось Севкар—Черный Камень, на редкость приветливо: живописная местность, холмы, покрытые кудрявым лесом, родники, луга... Особую нарядность придают селу новые добротные дома его жителей, Дворец культуры, школа. Построенные недавно из разноцветного туфа, они образовали широкую площадь. В ее центре, как почти в каждом армянском селе,—монумент односельчанам, павшим в Великую Отечественную войну. А с правой стороны этого величественного сооружения покоится гранитная плита, надпись на ней усиливает нашу смятенность. Это памятник погибшим девушкам-фронтовичкам из того же села, он построен на средства, собранные женщинами и девушками Севкара, хотя многие из них уже не живут в том селе.

Окружившие нас севкарцы переживали и другое событие. Для нас два до нашего приезда сильный ветер повалил в лесу знаменитый старый дуб, по преданию его посадил полководец Вардан Мамиконян в 450 году в честь выигранного сражения с персидскими войсками. И вот уже два дня жители окрестных сел приходят к поверженному дереву.

Нас тоже ведут к заветному дубу в тенистой чаще. Воистину стоило посмотреть на него. Лежал он навзничь вдоль обрывистого берега небольшой речушки, прератив вокруг себя в хаос зеленую лесную гармонию. Лесной исполин в высоту достигал пятидесяти метров, имел могучие корни и огромное черное дупло величиной с комнату, дуб рос ни много ни мало полторы тысячи лет, ветви его окаменели и стали заостренными, как когти, казалось, все эти 15 веков своими когтями он цеплялся за воздух, за время и с силой карабкался вверх, держался как мог.

Под сенью дуба издавна стояли небольшие самодельные скамьи и столы. Нам налили вина, и мы все, погрузневшие, подняли стаканы. Вероятно, это были своего рода поминки, а раньше в течение веков под этим деревом пили вино в веселье, благословляли дерево, благословляли руки, что посадили его...

— Нет, так оставить нельзя, надо что-то придумать,—зволнованно сказал один из присутствующих, выражая мысли всех остальных.

На прощание местный старый фотограф подарил каждому из нас фотографию дерева, когда оно еще стояло. Так дарят фотографию близкого человека...

КТО знает, достоверна ли история рождения дуба или это всего лишь красивая легенда, которую память народная сохранила и передавала от века к веку, от одного тысячелетия другому.

Есть память народная, общая память поколений, она проходит сквозь века от потомков к потомкам. И чем больше веков пройдено народом, тем больше эти века куют и тренируют его память, потому что именно эта память не дает распыляться векам, а сплачивает их воедино, передает новому поколению созданное предыдущим. Несомненно, играет роль и сложившаяся историческая судьба народа, его характер, степень его духовности, мера верности прошлому и наряду с этой верностью традициям умение воспринимать новое.

НА ХОЛМЕ Цицернакаберд этот день был особенно проникновенным. Там вот уже десять лет возвышается величавое гранитное сооружение, возведенное в память жертв геноцида, развязанного османской Турцией в 1915 году.

Уже был вечер, слегка моросил дождь, и в глубине чаши двенадцати скорбно склоненных плит пламя горящего Вечного огня казалось более густым, дымным, будто в тонир положили сырые дрова, влажные от слез. И мелодия, исходившая из этого пламени, как бы несла в себе дыхание ладана.

У Вечного огня стоял Арам Хачатурян. Памятник, и без того полный глубокой символики, в его присутствии приобретал новое, подспудное значение, новый смысл. Стоял великий композитор, повернутый в печаль, склонив седовласую голову. Во всем этом чувствовалась какая-то могучая, гордая, неуступчивая сила. Арам Хачатурян—один из тех сынов, чьими действиями наш народ противопоставил гибельной судьбе свою волю к жизни, повелел опустить сабли перед магией «Танца с саблями», утверждая тем самым свою жизненную философию.

Справа от склоненных двенадцати плит высь устремлен металлический двухгранный колосс—символ возрождения, подобный рвущемуся из сгустка ярости и боли кличку радости жизни, вестнику победы. Кажется, что Арам Хачатурян схож с этим колоссом, вернее, и есть этот самый колосс.

В БОЛЬШОМ зале Армянской филармонии состоялся концерт Государственной академической хоровой капеллы Армении, или, как у нас принято говорить, капеллы Чекиджяна.

Немало людей перебралось из-за рубежа в Советскую Армению за прошедшее пятидесятилетие. Людей с одинаковой и все-таки в чем-то разной судьбой, но с одним и тем же желанием обрести родину, жить на родине, трудиться для нее. Те, кто приехал молодым, легко пустили корни, прижились. У тех же, кто постарше, «пересадка» на другую почву не всегда удавалась, «прививка» не давала побегов.

Воистину чудесной оказалась встреча дирижера стамбульской оперы Ованеса Чекиджяна с Арменией. Он принес артистизм и горение таланта. Армения вселила в него силу родной земли. Эта сила с дирижерского мостика поднялась, влилась в его нервные руки, дала счастье творить для этой земли, гордость предстать перед миром сыном этой земли.

Мощь чекиджяновского таланта преобразила и саму капеллу. От магического взмаха его дирижерской палочки из восьмидесяти уст вырывались волна за волной, разливались по залу древние мелодии и ороверлы, Реквием Берлиоза, «Стабат матер» Россини и многое, многое другое. Капелла выступала в Москве и в Ленинграде, в Киеве и Новосибирске, в городах Прибалтики, каждый раз вызывая бурную благодарность требовательных слушателей. А ныне она вернулась из Парижа и дает свой первый концерт после возвращения.

Глубоко символична эта поездка. На авиалинете Чекиджяна могла быть обозначена совсем другая трасса. Могла бы быть «Стамбул—Париж», «Монреаль—Париж», даже «Нью-Йорк—Париж»... Как, с каким чувством должен был тогда

сойти с трапа в парижском аэропорту этот человек, если бы он и достиг самой громкой славы? Был бы он охвачен тем, ни с чем не сравнимым чувством, которое овладело им, когда он, вылетевший из Еревана, приземлился в Париже? Это ощущение Родины за плечами, юной Советской Армении,—гордость за то, что он привез сюда с собой эту свою Родину и по-хозяйски уверенно одаривает живущих за рубежом армян ее теплом и светом.

Конечно, случается, что и за границей армянский художник ценой неимоверного напряжения сил может добиться признания. Но совсем иное, когда художник чувствует под ногами родную землю и за спиной—свой народ, когда он является миру не как бродяга без роду и племени, а как истинный наследник своих предков, гордый тем, что несет людям отсвет гения родного народа.

Вдвойне верны по отношению к людям искусства прозрачные слова большого писателя Костана Заряна: «Человек-одиночка незначителен, если он свое умственное и нравственное развитие, свою судьбу личности не связывает с той массой людей, к которой прикован физически и исторически».

НА КОНЦЕРТЕ капеллы Чекиджяна я познакомилась с сотрудником радиостанции «Франс культур» Жоржем Годбергом. Выяснилось, что москве Годберг впервые в Армении, приехал после того, как прочел вышедшую в Париже на французском языке «Антологию армянской поэзии». Книгу подготовил к изданию Союз писателей Армении, она нашла широкий отклик во французской прессе. Годберг приехал по заданию «Франс культур», чтобы подготовить специальный передачу о нынешней Армении. Приехал не один. В составе большой группы туристов, в ней французские архитекторы, археологи, журналисты, они тоже впервые в Армении.

— Вчера побывали в ваших чудесных храмах Гарни, Гегарде,—информирует меня мой собеседник.—Изумительно!.. Все удивлены и сожалеют, что не видели этого чуда прежде.

Да, не видели... Те, кто постарше, видели много лет назад в городах Франции ищущих убежища, работы и ночлега армян-беженцев, слышали горячие речи Анатолия Франса и других французских гуманистов, пытавшихся пробудить совесть всего мира в защиту «погибающей на востоке сестры» — Армении. А молодежь не знает или почти не знает о нашем народе. Пусть приезжают, смотрят, ближе узнают, что таит в себе этот скалистый край.

Веками Армения и армянский народ, как и другие малочисленные народы, изгонялись не только со своих земель и с географических карт, но и не находили места ни в учебниках, ни в лекциях по искусству и литературе. В сокровищнице мировой культуры все полки, как и земли, давно распределены и заселены, и перераспределить их не менее трудно, чем земли. Однако отчаиваться не нужно. Великий Октябрь возродил к новой жизни большие и малые народы Союза, в том числе и Армению. С возрожденной Арменией возрождаются и ее прошлое, ее история, ибо прошлое оживает лишь в настоящем; лишь зеленые ростки свидетельствуют о живости корней. А подлинные ценности не стареют. И что бы ни было, они найдут свое достойное место в сокровищнице шедевров и в обремененных знаниями человеческих умах. Пусть поздно, но найдут...

И уже находят. За пятьдесят лет столько книг, альбомов и сборников было опубликовано на русском и других языках, столько состоялось в Союзе и за рубежом декад и различных выставок, посвященных нашей культуре, древней и новой, сколько не было за всю многовековую историю. И столько людей приезжало, чтобы увидеть нашу республику и ее святыни, сколько не было за все прошедшие века, если не считать вооруженных полчищ, попиравших копытами коней эти святыни...

Армения выходит из гор и ущелий своих, выходит на просторы мира не так, как прежде, капля за каплей роняя на дороге свою кровь, а с песней своей и плясками, оттенками всех красок, разноязычным эхом своих поэтических строк...

ЕРЕВАНСКАЯ детская картинная галерея, лет шесть-семь назад занимавшая всего два выставочных зала, завоевала свою нынешнюю известность и утвердила себя так, как новорожденный младенец из месяца в месяц, из года в год зримо, настойчиво, но и естественно занимает свое место под солнцем. И сегодня трудно, идя по улице Абовяна, преодолеть искушение и не войти в ее манящие двери.

Здесь удивительно все: и сила детского воображения, и многообразие полотен, сливших сказку и жизнь, и горящие краски, и то, что на своих рисунках шестилетняя Карине одела своих сверстниц в платья с орнаментом старинных народных паласов, и то, что девяти-десятилетние художники из далекого глухого села Геховит, чьи холсты занимают в зале целую стену, уже имеют свой стиль, да, не удивляйтесь, свой стиль. Из села они не уезжали, не видели музеев, не слушали лекций, но каким-то чудом в их маленькие сердца, в их кровь проникли лучи семицветного солнца Мартироса Сарьяна...

Итак, эта расположенная на улице Абовяна небольшая галерея стала местом, куда стекается многолюдье. Сюда приходят с высот трехтысячелетней крепости Эребуни, из Гарни и Гегарда, Матенадарана, Дома-музея М. Сарьяна, приходят из Бюраканской астрофизической обсерватории, с Армянской атомной электростанции, из Института физики и Центра вычислительных машин. И здесь происходит своеобразное скрещение древнего и современного, встреча старости и юности, кибернетической мысли двадцатого века и какой-то первозданной наивности. Наивности, которая наполняет душу детской радостью, побуждает улыбаться самому себе, людям, миру, побуждает верить, что на этой древней земле каждый миг все начинается сызнова...

На столе директора галереи лежали свежие газеты. На странице республиканской газеты «Советакан Айастан» я увидела знакомую фотографию. Это был дуб, вековой дуб у села Севкар, посаженный Варданом Мамиконяном 1500 лет назад. Рядом с поверженным великаном стоял во весь свой могучий рост маршал Баграмян. Селькор в заметке писал, что село недавно посетил маршал И. Баграмян и рядом со старым дубом посадил новый.

Перевела с армянского
И. КАРАПЕТАН.